

ЭТНОЯЗЫКОВАЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ЛЕКСИКОНА
ДИАЛЕКТОНОСИТЕЛЕЙ В ПУНКТАХ СМЕШАННОГО ПРОЖИВАНИЯ
ДОНСКИХ КАЗАКОВ И УКРАИНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ¹

Н.А. Тупикова

*Волгоградский государственный университет,
г. Волгоград, Российская Федерация*

В статье охарактеризован комплексный подход к анализу речи русско- и украиноговорящих диалектоносителей на территориях бытования донских говоров Волгоградской области. Охарактеризовано содержание оппозиций, ориентированных на выражение этноязыковой информации; показаны случаи дифференцированного и недифференцированного обозначения этнокультурной идентификации групп населения в разговорном обиходе местных жителей. Определен круг актуальных теоретических вопросов и прикладных задач в рамках поставленной проблемы, обозначены возможные подходы к их решению на славянском региональном материале.

Ключевые слова: речь диалектоносителей, этнолингвистика, лексика, функциональная семантика.

Славистическая проблематика исследований профессора Людмилы Борисовны Карпенко, научные работы которой хорошо известны в России и за рубежом, связана с развитием ценностного подхода, рассматривающего язык как средство укрепления взаимопонимания между людьми, инструмента единения и основы диалога национальностей [6, с. 16–17]. И хотя интересы ученого концентрируются в основном вокруг вопросов истории славянской письменности [4; 5; 8; 24], сформулированные Л. Б. Карпенко постулаты о необходимости осмысления понятия «единый цивилизационный тип», складывающийся под воздействием различных средств массовой регуляции [7, с. 23–24], чрезвычайно актуальны. Данный феномен важен для понимания системы ценностей, формирующихся в результате взаимодействия народов, которые связаны генетически и объединены однотипной традицией социальной организации [7, с. 26–27]. В этом плане изучение современной речи диалектоносителей на территориях, где русский язык, с одной стороны, является для разных этносов «общим духовным домом» [6, с. 17], а с другой – своеобразной «скрепой», то есть общезначимой составляющей непротиворечивой среды общения населения и продуцирования текстов [25, с. 127], необходимо для характеристики

функционирования и развития естественной речи, что порождено жизнью, служить которой речь призвана, причем жизнью каждого индивидуума и жизнью общества в целом [1, с. 24]. Объект данного исследования – лексикон, представленный в речи диалектоносителей, включается составной частью в «язык региона», который рассматривается нами в качестве регионального варианта функционирования русского языка по признакам территории распространения и общности исторического развития, полиэтничности населения, закрепления в сложившихся формах бытования общезначимых, узусных единиц, диалектизмов и региональных инноваций, специфики вариативности средств обозначения лиц, предметов, понятий, процессов, признаков в реалиях окружающей действительности.

Исторические и энциклопедические источники определяют донских казаков как живущих и несущих службу на Дону представителей вольной военной общины, сообщества с особым самоуправлением [12, V, с. 298; 12, IX, с. 315–316], народ славянской речи, живущий на берегах реки Дон и его притоков, в низовьях Дона [20, с. 109], а также как этническую группу, сложившуюся на берегах Дона и его притоках, жители Области Войска Донского (до начала XX века), которая занимала часть современной Волгоградской, Ростовской и др. областей, Харьковской, Луганской и Донецкой областей [21, с. 91]. Южнорусские земли компактно заселялись также представителями других народов, в том числе украинского. Первопоселенцы из Полтавской, Черниговской, Харьковской и других губерний активно основывали в Подонье свои слободы [9; 13], часто сохранявшие название «малой родины» (Александровка, Семёновка, Мачеха и др.). Украинцы Волгоградской области, по мнению В.И. Суцруна, – особая группа населения, формировавшаяся в течение длительного времени [14, с. 335]. Рассказы местных жителей – потомков переселенцев – отражают факты исторического прошлого: *Значит, эта Александроўка – там, уде украинцы, и вот эта зона калхозная, она в основном украинская. <...> Вот у нас сило за речкай былб. Эта Зилёноўка [?]. Так там выхоццы были ис Полтаўской губернии. <...> Ездил и ужэ в наше время туда на родину. <...> И ўовор у них был сильнее укря́инский* (здесь и далее при передаче речи диалектоносителей применяется упрощенная транскрипция). Несмотря на то, что в западной части региона Подонья распространены гомогенные русские (донские казачьи) говоры, на территориях бывшей Области Войска Донского в украинских поселениях получили распространение относительно гомогенные говоры восточноукраинского типа [14, с. 334], называемые, как писала Р.И. Кудряшова «хохлачими» [9, с. 7, 16, 44]. Элементы хохлацкого говора как правило выступают в смешении с русской обиходно-разговорной речью, а в этноним «хохлы», закрепившийся за украинцами по мере расселения и употребляемый населением края, обычно не вкладывает-

ся пренебрежительного значения [14, с. 336]: *А теперь с дядий Стёпай нагаварити. Эта хахол чистакровный. – Родыуса в Мачихи. А родитили оказались – эта их с Украины, в их паспорти былб, што украинци.* Это неофициальное прозвищное обозначение [10, с. 23] приобретает особую значимость при реализации разноплановых содержательных оппозиций «*хохлы – казаки*», «*хохлы:: украинцы – русские:: казаки*», «*украинцы:: хохлы – русские:: казаки, казаки:: москали*», «*хохлы/украинцы – москали*», которые выступают своеобразным этнолингвистическим маркером.

Первый компонент оппозиции в его составной части *хохлы* – это «коренные» украинцы, или потомки первопереселенцев, которые в бытовой речи используют «*хохлячий говор*», основное средство этнической самоидентификации личности в пунктах смешанного проживания населения. Его можно отнести к диалектным образованиям «разной степени сохранности» [14, с. 337], а самоназвание встречается обычно с аканьем, указывает В.И. Супрун: *Я ваще хахлушка, я ваще хахлушка, я не казачка. Я ж жыла у хахлов, а двинацать километров – там жылы казаки, но я ў Хахляндии, я хахлушка.* Составной частью первого компонента оппозиции является также название *украинцы* для недавних украинских переселенцев или их потомков, носителей украинского языка, переехавших на территорию Волгоградской области или родившихся в пунктах бытования донских говоров, но не утративших национальной связи с родиной предков и осознающих этноязыковую принадлежность: *Вы сами родом с Украины, откуда? – Чиркаская область, Уманский район, село Качубеифка <...> я украинка, муш у миня русский <...> сюда приехала – я пряма стала харашо ужэ разуаваривать ... как-та привыкла на эт язык, на русский. – А там, на Украине, Вы больше говорили на своем родном, на украинском языке? – Да-да.* Носители «*хохлячего говора*», которые считают себя уже частью русского народа [14, с. 337], противопоставляются по языковым признакам недавним переселенцам с Украины, их потомкам: *– А с детьми говорите на каком языке? – Балакаем по-хохлачи, а тишем по-русски. <...> – А внуки? – И внуки, и правнуки, и все так же балакают. <...> – Все говорят по-украински? – Ну, украинские совсем не такие. И слова не такие.* Хохляцкое население и коренное русское, в том числе донские казаки, с национально-культурной точки зрения могут расценивать название «*украинец*» как официальное, синонимичное неофициальному «*хохол*» и тождественное ему, применимое для всех говорящих на украинском языке/хохлячем диалекте в данной местности: *Ну, хахлы! Цэ ж по-культурному тишэмся украинци, а бильши пидходым до кубанских казакив, як они балакають. <...> – В паспорте у Вас тоже? – Ў паспорти украинци.* В языковом же сознании этих «коренных жителей», их потомков лингвистическая компетенция безусловно разграничивает единицы разных диалектных систем, что является способом этноязыковой идентификации личности: *– И как, Вы по-русски или по-украински говорили?*

[с родителями. – Н.Т.] – *По-хохлацы. По-украински нет – по-хохлачи.* – «По-хохлачи» это чем отличалось от украинского? – Тада у меня ш бабушка, мать моя, жыла там [в городе Куйбышев, сейчас Самара. – Н.Т.], а дочка йиздыла, племянница прыжжяла ко мне, к нам с Куйбышэва, ну они пойхалы туды, а бабушка и уворыт: «Девочкь, прынэсыте мне драбыну». – «Бабушка, а чейт такое?». – «Я вам сказала – прынэсы драбыну». – <...> ну, хто на... Што за драбына? А эт лесница. Из приведенного фрагмента видно, что информант различает элементы хохлацкого говора и украинской речи. Для первых не характерен украинизм *драбина* с дефиницией «лестница; стремянка» [22, с. 535], хотя это слово известно хохлам, поскольку употребляется в донских говорах на территории смешанного проживания хохлацкого населения и донских казаков, однако в другом значении, уже сходном с украинским; ср.: «Бокова частина воза або саней, виготовлена з впоздовжніх и поперечних жердин» [23, с. 265] и «Верхние продольные брусья борта арбы», «борт арбы в виде лестницы; жердь» [2, с. 139; 11, с. 150].

Второй компонент оппозиции и его части – *казаки (донские), русские, москали* – с содержательной точки зрения может определяться дифференцированно и недифференцированно. При дифференциации донских казаков и русского населения на первый план, во-первых, могут выходить осознаваемые диалектоносителями языковые различия, выговор: – *А родители казаки? – Да нет, русские... Казаки не так разугаривають*; во-вторых, отдельность своей этнической группы от русских может представляться казаками как очевидный и известный факт действительности; это выражается в определенном противопоставлении с использованием неофициального прозвищного обозначения *москали*: *Радилася я в Мачушанскава района, <...> село Зяно́вка. – Казачье село, да? – Нет, москали там. – А чем москали от казаков отличаются? – Да хто яго знает.* С этнонимом *москали* связано также недифференцированное включение в данную группу населения по совокупности факторов культурно-исторического порядка и территории компактного проживания. Можно сказать, что в этом случае в картине мира диалектоносителей признак обособленности разговаривающих по-русски и говорящих по-казачьи становится нерелевантным, так как донской говор, сформировавшийся на основе, близкой к южнорусскому наречию, выступает маркером общей принадлежности этноса к русскому народу в качестве его части, а прозвище *москали* служит здесь средством этнолингвистической характеристики этого населения Волгоградской области (*русские/казаки*). Название употребляется также в речи информантов для разграничения населенных пунктов по национальному признаку: *Ну, вот так ф селе, если сказать, хохлоу, значит, Мачиха, ну, Озёрка <...> патом идет Калиноўка, там москалы, значит, эта рускьи мужьки, москалямы. Ещэ Ежоўка, эта Александроўка – там, где украинцы.* Материал свидетельствует, что доминантными могут оказываться общие этнокультурные черты, прояв-

ляющие определенное сходство групп в национально-ментальном отношении: жителей, в разной степени принимающих связи своего происхождения с украинским народом либо осознающих себя частью русского народа.

Среди актуальных проблем лингвистики XXI века весьма важным представляется изучение этнического самосознания, что требует дальнейшего обоснования постулата о необходимости сохранения, прежде всего, родного языка как уникального средства выражения человеком чувства принадлежности к определенному этносу, своеобразного ретранслятора национальной – материальной и духовной – культуры [19, с. 95]. Совокупность фактов, извлеченных из речи информантов, записанной по методу открытого опросника на территориях смешанного проживания донских казаков и украинских переселенцев (их потомков) в Волгоградской области, подтверждает это. Будучи способом организации и развития разных сфер жизни, культура накапливает ценности: материальная вбирает в себя результаты практической деятельности человека: жилище, орудие труда, хозяйство, одежда, пища и др., духовная охватывает знание мира, воспитание, семейные традиции, обрядовость и т.д. [17, с. 486–487]. Важной составляющей выражения национального самосознания в этой связи является анализируемый лексикон жителей, поскольку он позволяет раскрыть себя как в отношении одного этноса к другому, так и в оценке их связи между собой [18, с. 503]. Говоря об актуальности изучения любого языка (говоров), особенно за географическими границами его существования, необходимо, по мнению В.И. Теркулова, видеть перспективу работы в целостной программе ее поэтапной реализации, в которой лингвоэтнические вопросы применительно к отдельным славянским диаспорам, анклавам, населенным пунктам и говорам, находящимся в иноязычном окружении, должны занимать не последнее место [15, с. 294–298]. В методологическом плане это предполагает, по нашему мнению, использование комплексного подхода, сопрягающего методы диалектологического, этнолингвистического и функционально-семантического аспектов исследования. Одним из важных методов анализа материала является полевое моделирование лексикона, что дает возможность очертить как устойчивость словаря в его ядерной, приядерной зонах, так и изменчивость, связанную с явлением проницаемости периферийного пространства. Конституенты поля требуют выявления по признакам специализированности реализации семантики, регулярности и частотности употребления единицы в данном значении [16], что необходимо, как представляется, не только для установления иерархии элементов структуры лексикона, но и, в первую очередь, для его содержательно-смысловой сегментации – определения границ тематических областей с этнокультурной информацией, способов обозначения реалий окружающей действительности – лиц, предметов, явлений, процессов и признаков в ма-

териальной и духовной сферах деятельности человека, дальнейшей дифференциации тем, детализации признаков и приемов разграничения микротем, ситуаций, микроситуаций, зафиксированных в речи диалектоносителей. Кроме того, осмысление вопросов, актуальных для названной проблематики, ставит перед нами задачу еще раз, на ином уровне дефинирования, вернуться к уже однажды сформулированным понятиям «славянская языковая личность», «этнолингвистические скрепы». Создание солидной теоретической и фактической основы такой работы открывает возможности прикладного использования ее результатов для создания базы данных, аккумулирующей оригинальный этнолингвистический и диалектологический материал, для развития региональной лексикографии, для пополнения Национального корпуса русского языка.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01215, <https://rscf.ru/project/23-28-01215>.

Библиографический список

1. Балли Ш. Язык и жизнь: пер. с фр. / вступ. статья В.Г. Гака. М.: Едиториал УРСС, 2003. 232 с.
2. Большой толковый словарь донского казачества / Редкол. В.И. Дегтярёв и др. М.: Русские словари-Астрель-АСТ, 2003. 608 с.
3. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка / Рос. академия наук. Ин-т лингв. исслед. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
4. Карпенко Л.Б. Священная азбука Кирилла. Самара: ООО «Офорт», 2004. 228 с.: ил
5. Карпенко Л.Б. Сказание «О письменах» Черноризца Храбра как источник изучения глаголической проблемы // Преславска книжовна школа. Шумен: Универзитетско изд-во «Епископ Константин Преславски», 2004. С.172–183.
6. Карпенко Л.Б. Ценностный подход к русскому языку: вектор языковой политики // XXX-е Кирилло-Мефодиевские чтения «Славянский мир: вера и культура» (Самара, 22-24 мая 2008 г.): материалы Международной научно-практической конференции преподавателей истории, языков и культуры славянских народов / под ред. Л.Б. Карпенко. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2008. С. 16–27.
7. Карпенко Л.Б. Цивилизационное значение русского языка // Сталинградская гвоздика: сб. материалов Международного форума преподавателей русского языка и литературы славянских стран и государств СНГ / под ред. И.А. Прихожан и В.И. Супруна. Волгоград: Изд-во ИП Поликарпов И.Л., 2013. С. 23–29.
8. Карпенко Л.Б. Онтология славяно-русского письма. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2016. 159 с.
9. Кудряшова Р.И. Слово народное. Говоры Волгоградской области в прошлом и настоящем. Волгоград: «Перемена», 1997. 124 с.
10. Пицальникова В.А. Этнопсихоллингвистика. Часть 1. Этническая идентичность / В.А. Пицальникова, А.И. Хлопкова. М.: Проспект, 2020. 112 с.

11. Словарь донских говоров Волгоградской области / авт.-сост. Р.И. Кудряшова, Е.В. Брысина, В.И. Супрун; под ред. проф. Р.И. Кудряшовой. Изд. 2-е, перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011. 704 с.
12. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.. Вып. 5 / под ред. О.С. Мжельской. СПб: Наука, 2012. 342 с.; вып. 9 / Под ред. Е.В. Генераловой, О.В. Васильевой. СПб.: Наука, 2020. 367 с.
13. Супрун В.И. Коренное украинское население Поволжья и Подонья: от появления до перехода в статус скрытого меньшинства // Украинистика в России: история, состояние, тенденции развития: матер. Межд. науч.-практ. конф. (г. Москва, 11–12 ноября 2009 г.). Киев; М.; Уфа: Изд-во Уфимского филиала МГТУ им. М.А. Шолохова, 2010. С. 121–126.
14. Супрун В.И. Украинцы Волгоградской области // Этнографическая энциклопедия Волгоградской области / редкол.: М.А. Рыблова (гл. ред.) [и др.]. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2017. С. 335–337.
15. Теркулов В.И. О программе исследования украинских говоров России и смежных проблемах // Интеграционные процессы в коммуникативном пространстве регионов: материалы Междунар. науч. конф., г. Волгоград, 12–14 апр. 2010 г. / сост. Д.Ю. Ильин, Н.Л. Шамне. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. С. 294–298.
16. Тушикова Н.А. О полевым функционально-семантическом исследовании русского глагола // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2013. № 3 (19). С. 19 – 26.
17. Фролов, Н.К. Взаимосвязи этнических культур в зеркале социо- и этнолингвистики // Фролов Н.К. Избранные работы по языкознанию: в 2 т. Т. 1. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2005. С. 485–490.
18. Фролов Н.К. Русское национальное самосознание в лингвокультурной коммуникации // Фролов Н.К. Избранные работы по языкознанию. В 2 т. Т. 1. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2005. С. 498–503.
19. Улейчик Н.Л. Этнолингвистическая ситуация в Гродненской губернии на рубеже XIX–XX веков // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации: сб. науч. ст.: в 2 ч. Ч. 1 / редкол.: В.А. Белозорович (гл. ред.) [и др.], Гродно: ГрГУ, 2022. С. 93–99.
20. Энциклопедия казачества / Сост. Г.В. Губарев, ред.-изд. А.И. Скрылов. Вступ. статья О.О. Антропова. М.: Вече, 2007. 544 с.: ил.
21. Этнографическая энциклопедия Волгоградской области / редкол.: М.А. Рыблова (гл. ред.) [и др.], Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2017. 544 с., ил.
22. Загнітко А.П. и др. Великий сучасний російсько-український українсько-російський словник. Донецьк: ТОВ ВКФ «БАО», 2008. 752 с.
23. Сучасний тлумачний словник української мови / за загл. ред. д-ра філол. наук, проф. В.В. Дубічинського. Х.: ВД «Школа», 2009. 1008 с.
24. Karpenko L. *The glagolitic Alphabet and the Creed: On the Question of the christological Content of the first Slavic Alphabet* // PALAEOBULGARICA-STAROBALGARISTIKA. 2020. Vol. 44, Issue 4. № 4. P. 47–70.
25. Turikowa N. О специфике славянской языковой личности в пунктах смешанного проживания донских казаков и украинцев на территориях позднего заселения // *Slavia Orientalis. Rocznik LXVII. Nr 1. Warszawa, 2018. S. 117–127.*